

увеличения доли родивших второго и третьего ребенка после достижения 30-ти, особенно, 35-летнего возраста, и зачастую (об этом свидетельствуют результаты ряда социологических исследований) при большом (свыше 12 лет) интервале после рождения предыдущего ребенка. Говорить о каком-либо повышении показателей рождаемости в реальных поколениях можно будет, видимо, только применительно к тем поколениям женщин, которые родились в конце 1970-х и в 1980-е гг., но делать какие-то оценки итогового числа рожденных детей у них пока можно только с очень большой осторожностью, так как они еще далеки от завершения процесса деторождения.

© Архангельский В.Н., 2014. Текст.

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич (Москва, Россия) – кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения, МГУ имени М.В.Ломоносова, экономический факультет (119991, г.Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Arkhangel'skiy V.N.

TRANSFORMATION OF INDICATORS OF FERTILITY IN REAL GENERATIONS OF THE RUSSIAN WOMEN

Abstract. *The analysis of transformation of fertility in real generations of women is based on calculations of number of the born children for one-year age-specific fertility rate. Realized measures of demographic policy, at least, significantly slowed down process of reduction of average of the born children in real generations.*

Keywords: number of the born children, real generations, age-specific fertility rate, demographic policy.

Information about the author

Arkhangel'skiy Vladimir Nikolaevich (Moscow, Russia) – PhD in Economics, Head of sector, M. Lomonosov's Moscow State University, Economics faculty, Center for population studies (3rd New educational corps, Lenin mountains, GSP-1, Moscow, 119991, Russia; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

УДК 94(470) «19» : 314

Баранов Е.Ю.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ В СССР (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: *В статье проанализирована современная историографическая ситуация вокруг вопроса о демографических последствиях голода начала 1930-х гг. в СССР. Исследование показало, что единой общепринятой оценки жертв голода начала 1930-х гг. до сих пор не существует. Значительная часть зарубежных и отечественных ученых считает, что основные потери населения пришлось на 1933 г. Анализ современной научно-исторической литературы позволил выявить очередной виток дискуссии по вопросу о достоверности данных советской статистики о населении.*

Ключевые слова: голод, историческая демография, историография, демографическая история, демографические кризис, демографическая катастрофа.

В советской историографии голод 1932–1933 гг. долгое время оставался неисследованной, запретной темой, одним из «белых пятен» в отечественной истории. Это было связано с замалчиванием самого факта голода руководством СССР. Впервые о факте голода 1932–1933 гг. в советской исторической литературе было заявлено во втором томе «Истории советского крестьянства», изданном в 1986 г. [8, с. 256, 265]. В период перестройки о насильственной коллективизации и голоде в основных зерновых районах СССР – на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане – начали писать отечественные историки-аграрники В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий [1]. Отечественная и зарубежная историография голода начала 1930-х гг. на сегодняшний день наиболее полно представлена в работах ведущего отечественного специалиста по данной теме В.В. Кондрашина [12; 13, с. 10–35]. В настоящей статье предпринята попытка аккумулировать основные количественные оценки демографических последствий голода начала 1930-х гг., существующие в современной историографии.

В 1988 г. была опубликована статья В.П. Данилова, посвященная дискуссии по теме голода 1932–1933 гг. в СССР в западной прессе. В.П. Данилов писал, что западные советологи в 1980-х гг. обсуждали два вопроса: причины и последствия голода. Роберт Конквест писал о гибели от голода в СССР в 1932–1933 гг. 7 млн чел., из них 5 млн – на Украине, 1 млн – на Северном Кавказе и 1 млн – «в остальных районах». Голод, по мнению Р. Конквеста, как и «поразившая его коллективизация», «представлял собой проявление антиукраинского геноцида» [3]. В тот период оппонентами позиции Р. Конквеста выступили представители объективистской школы Э.Х. Карра – Р. Дэвис и С. Уиткрофт. Р. Дэвис указал на бездоказательность его вычислений демографических последствий голода. Историк-экономист С. Уиткрофт оценил демографические потери в результате голода 1932–1933 гг. в пределах от 3 до 4 млн чел. Американские демографы Б. Андерсон и Б. Сильвер произвели подсчет жертв голода без учета детей, родившихся после 1926 г., их оценка избыточной смертности определялась пределами от 2 до 3 млн чел. [3, с. 119–120].

Вопросы о факторах и последствиях голода интересовали не только историков и демографов, но и мировую общественность. В конце 1980-х гг. была создана международная комиссия по расследованию обстоятельств голода 1932–1933 гг. на Украине. В 1990 г. в Торонто она представила свой итоговый отчет. Комиссия констатировала наличие различных оценок жертв голода на Украине, содержащихся в разных источниках (5, 6, 7,5, 10, 16 млн чел.). По мнению членов комиссии общее число жертв голода в СССР составляло минимально 7,5 млн чел. Из них не менее 1,5 млн чел. погибли на Украине, 3 млн чел. – за ее пределами, причем 1 млн чел. в Казахстане и на Северном Кавказе. Большинство членов комиссии выразило неуверенность, что голод был искусственно организован и имел своей целью уничтожение украинской нации [10, с. 7–8].

Итак, в литературе имеются различные оценки жертв голода, потерь населения вследствие этого социального бедствия, а тема демографических последствий голода активно дискутируется в постсоветском научном и информационном пространстве. В таблице 1 представлены основные количественные оценки жертв голода.

Таблица 1

Оценки числа жертв голода 1932–1933 гг. в СССР (млн чел.) [4, с. 411; 14, с. 276; 15; 16, с. 767; 17]

Автор, год	Число жертв
Ф. Лоример, 1946	4,8
Б. Урланис, 1974	2,7
С. Уиткрофт, 1981	3–4
С. Уиткрофт, 1990	4–5
С. Уиткрофт, 2013	5,6
С. Максудов, 1982	9,8 ± 3
Б. Андерсон и Б. Сильвер, 1985	2–3
Р. Конквест, 1986	8
В. Цаплин, 1989	3,8
Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харьковская, 1993	7,3
Н. Ивницкий, 1995	7,5
«Население России в XX веке», 2000	7,2–10,8
Государственная Дума РФ, 2008	7

Основная проблема зарубежных советологов, опубликовавших свои оценки в период существования СССР, состояла в слабости источниковой базы, состоявшей в основном из мемуаров эмигрантов, материалов зарубежной периодической печати и отрывочных свидетельств о населении страны. В результате «архивной революции» начала 1990-х гг. исследователи получили доступ к ранее засекреченным материалам, обратили свое внимание к статистике населения СССР. Отечественные и зарубежные историки и демографы стали писать о проблемах использования данных советской статистики, связанных с ее ненадежностью, неполнотой, недостоверностью. В тоже время новейшие исследования по теме базируются именно на анализе архивных материалов, учеными активно используются материалы Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР. При этом ими предлагаются авторские коррективы статистических данных и различные методики их анализа. При изучении демографических последствий голода исследователи пытаются не только дать количественную оценку демографических потерь, но и проследить влияние голода и сопутствовавших ему эпидемий на воспроизводство населения, его миграционное движение. Далее мы предполагаем остановиться на анализе ряда публикаций по заявленной теме, вышедших в 2000-е гг.

Отечественный историк-демограф В.А. Исупов в монографии «Демографические кризисы и катастрофы в первой половине XX века» вопрос о демографических последствиях голода в СССР рассмотрел на основе источников и наработок, имеющих в историографии по данной теме. Проанализировав «Конъюнктурный обзор движения населения СССР за 1930–1934 гг.», подготовленный в декабре 1934 г. группой статистиков ЦУНХУ СССР и получивший гриф «Совершенно секретно», показавший естественную убыль населения СССР в 1933 г. в размере 1,7 млн чел., и что число родившихся в 1931–1933 гг. сократилось в 1,5 раза при увеличении числа умерших в 1,8 раза, ученый сделал вывод, что статистические данные о воспроизводстве населения, использовавшиеся советскими статистиками, не отражали реальную ситуацию. По

мнению В.А. Исупова были преуменьшены размеры сверхсмертности. Историк достаточно критически отнесся к попытке проанализировать показатели воспроизводства населения в «период демографической катастрофы 1933 г.», предпринятой Е.А. Осокиной, которая осознавала неточность статистической информации 1930-х гг., но не внесла необходимых поправок, и окончательный ответ о количестве жертв голода ею не был получен. По материалам ЦУНХУ, изученным Е.А. Осокиной, естественная убыль населения, в 1933 г., проявившаяся в Украине, Северном, Средне-Волжском, Нижне-Волжском, Северно-Кавказском краях, Уральской и Центрально-Черноземной областях, составила в целом 1,6 млн чел., а по доисчисленным статистиками тех лет данным – 1,3 млн чел. В.А. Исупов считает, что демографическая ситуация была более напряженной, и депопуляция охватила большую территорию страны, а наиболее обоснованные коррективы в статистику воспроизводства были внесены, по его мнению, демографами Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским, Т.Л. Харьковской. По их данным естественная убыль населения в СССР в 1933 г. составила 5905 тыс. чел. (36,9‰), средняя продолжительность жизни понизилась до 11,6 лет, а смертность достигла, как пишет В.А. Исупов, «апокалипсической отметки» в 72‰, тем самым были превышены показатели смертности периода революции и Гражданской войны. В.А. Исупов предполагает, что «если принять количество умерших в 1932 г. за некоторую условную «норму», то демографическая катастрофа и порожденная ею сверхсмертность в 1933 г. унесли жизни почти 7 млн чел.» [9, с. 87–89].

Следует отметить, что В.А. Исупов при характеристике кризисных явлений в демографической сфере использует термины «демографический кризис» и «демографическая катастрофа». По его мнению, демографический кризис обуславливается падением рождаемости, вследствие чего может происходить значительное сокращение естественного прироста вплоть до отрицательных величин, при этом уровень смертности может не повышаться или повышаться незначительно, наблюдается чаще всего замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения, и кризис может быть растянут во времени. Демографическая катастрофа же характеризуется «отчетливо выраженными депопуляционными процессами» за счет резкого роста смертности, это «мощное, но кратковременное событие», неотъемлемой чертой которого «является резкое падение численности населения» [9, с. 9–10]. В.А. Исупов, показал, что голод и сопутствовавшие ему эпидемии обусловили демографическое бедствие в 1933 г., характеризующееся вымиранием населения, которое он обозначил как демографическую катастрофу [9, с. 89–93].

Один из ведущих отечественных историков-демографов В.Б. Жиромская в целом ряде своих работ рассматривала демографическую ситуацию в начале 1930-х гг. Она констатирует, что на сегодняшний день учеными выявлена «достаточно полная география» голода 1932–1933 гг., который охватил основные зерновые районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал. Историк указывает, что общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включавшие сверхсмертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, насчитывали более 7 млн чел. Оценки потерь не могут быть абсолютно точными, пишет В.Б. Жиромская, так как учет в этот период был неполным и не все смерти были зарегистрированы, прежде всего,

это касалось беженцев из «голодных регионов». В то же время она приводит уже устоявшиеся в историографии оценки людских потерь, которые в Украине составили 3–3,5 млн чел. (С.В. Кульчицкий, Н.А. Ивницкий), в Казахстане – около 2 млн чел. (Ж.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов; А.Н. Алексеенко; Ш. Батырбаева), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – не менее 2–2,5 млн чел. (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова; В.Б. Жиромская). Она говорит о том, что в целом в результате голода 1932–1933 гг. в СССР погибло 7 млн чел. При этом в 1933 г. в СССР показатели прироста населения имели отрицательное значение, что являлось результатом значительного роста смертности и резкого снижения рождаемости, и фиксировалось, как в сельской, так и городской местности [6, с. 295; 7, с. 14–15, 77, 79, 101, 102]. По подсчетам историка, показатели смертности в этом году «поднялись до 60, а в некоторых районах превысили 70%» [7, с. 78].

В последней своей монографии «Основные тенденции демографического развития России в XX веке» В.Б. Жиромская рассматривает вопрос влияния негативных социальных факторов, в том числе голода, на ход демографического перехода. Историк считает, что в России вследствие экзогенных причин (в том числе голода и эпидемий инфекционных заболеваний) первая фаза демографического перехода, связанная с понижением смертности, оказалась очень длительной, затянутой [6, с. 301–302; 7, с. 22]. В.Б. Жиромская справедливо считает, что последствия голода прослеживаются по всесоюзной переписи населения 1937 г. Убыль населения выявляется в пострадавших от голода районах, которые не успели «восстановить численность потерянного населения» [5, с. 652].

Взгляды ученых на проблему голода, в том числе его демографических последствий, эволюционируют, они становятся все более документально аргументированными и, если так можно выразиться, системными и инструментально обоснованными. В.В. Кондрашин в начале 1990-х гг., ссылаясь на российских демографов называл оценку сверхсмертности в 1933 г. в 7 млн чел. При этом он указывал, что в Украине прямые потери населения могли колебаться от 3 до 5 млн чел., а в Казахстане 1750–1758 тыс. чел. погибло от голода и 2 млн чел. мигрировало в 1931–1933 гг. В.В. Кондрашин, занимаясь исследованием темы голода 1932–1933 гг. писал, что общие демографические потери сельского населения в Поволжье составили до 1 млн чел. В диссертационном исследовании (1991 г.) он приводил цифру – около 1047,8 тыс. чел., среди которых 213,1 тыс. крестьян умерло от голода и вызванных им болезней, а дефицит рождаемость в 1932–1934 гг. он оценивал в 162,2 тыс. чел., остальное количество – мигрировавшие в города и другие районы страны [11, с. 19–20]. В 1990-е гг. историк делал вывод о возможности оценки демографических потерь в результате голода в СССР в 5–7 млн чел.

В предисловии к недавно изданному третьему тому фундаментального документального издания «Голод в СССР. 1929–1934» В.В. Кондрашин констатирует наличие в историографии различных оценок числа жертв голода 1932–1933 гг., варьирующихся в пределах от 3 до 10 млн чел., он приводит расчеты демографических потерь вследствие голода, произведенные С. Уиткрофтом, которые считает наиболее точными и реально отражающими масштабы и региональные особенности социального бедствия. При этом историк, ссылаясь на С. Уиткрофта, пишет об убедительности данных ЦУНХУ по регистрируемому в РСФСР, УССР и БССР населению за этот период. Так, сверхсмертность от голода

на территории СССР, охваченной учетом ЦУНХУ (территория Украины, Северного Кавказа, Поволжья, ЦЧО, Урала, Сибири и др.), в 1933 г. по сравнению с предшествующим периодом (нормальным уровнем) составила 3,5 млн чел. Этот показатель в неохваченных учетом ЦУНХУ районах СССР (Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток и т.д.) находился в пределах 1,5 млн чел. Жертвами голода стали такие категории населения, как спецпоселенцы, заключенные Гулага и т.д., потери среди них оценены примерно в 600 тыс. чел. И в целом от голода в СССР в 1933 г. могло умереть 5,6 млн чел. (избыточная смертность, прямые жертвы голода). Дефицит рождаемости в этом году в стране составил примерно 3 млн чел. (косвенные жертвы голода). В результате общие демографические потери СССР исчисляются числом не менее 8 млн чел. [2, с. 43, 47]. В этот сборник наряду с разделом документов и статьей В.Б. Жиромской, посвященных теме демографических потерь в результате голода, также включен достаточно объемный раздел, содержащий исследование С. Уиктрофта о показателях демографического кризиса в период голода, в котором он, базируясь на тщательном анализе источников, подробно описывая используемый инструментарий и его применение, верифицирует оценки потерь населения, имеющие в литературе, и предлагает свои варианты их расчетов [16]. С. Уиктрофт доказывает, что вопреки мнению Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской существует возможность использования «нескорректированных» статистических данных смертности и рождаемости. Он пишет, что данные по регистрируемому населению СССР выглядят «полными и правдоподобными» [16, с. 766].

Таким образом, единой оценки жертв голода начала 1930-х гг. на сегодняшний день по-прежнему не существует. Зарубежные и отечественные ученые считают, что основные потери населения пришлись на 1933 г., часть исследователей полагает несправедливым ограничивать потери только этим годом. На современном этапе историографии окончательно доказан вывод о том, что голод не был геноцидом украинского народа, так как его жертвами стали не только представители украинской нации. Также сегодня можно отметить очередной виток дискуссии о достоверности данных советской статистики. Отметим, что в этой статье мы не коснулись новейшей региональной историографии демографических последствий голода, которая является достаточно разнообразной. Но именно в углубленном изучении демографических последствий голода в региональном измерении мы видим перспективы дальнейшего исследования темы, в рамках чего необходимо уделить больше внимание вопросам влияния голода на демографическое поведение различных этнических общностей, матримониальное поведение, миграционное движение, половозрастную структуру и др.

Библиографический список

1. Баранов Е.Ю. Причины и последствия голода 1932–1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: УрГПУ, 1999. С. 95–100.
2. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2013. Т. 3: Лето 1933 – 1934. 960 с.
3. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

5. Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2013. Т. 3: Лето 1933 – 1934. С. 651–718.
6. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960/Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РГГУ, 2009. 311 с.
7. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
8. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М.: Наука, 1986. 448 с.
9. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
10. Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932–1933 гг. на Украине // Голод 1932–1933 годов / Отв. ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 6–12.
11. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991.
12. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 8–56.
13. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 519 с.
14. Население России в XX веке: в 3-х т. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. Т.1. 1900–1939. 463 с.
15. Постановление Государственной Думы ФС РФ от 02.04.2008 № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР"» [Электронный ресурс] // Государственная Дума Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://duma.consultant.ru/page.aspx?955838> (дата обращения: 25.09.2014).
16. Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2013. Т. 3: Лето 1933 – 1934. С. 719–771.
17. Харьковская Т.Л. Сколько жизней унес голод? [Электронный ресурс] // Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 101–102. 2003. 17 февраля – 2 марта. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/tema02.php> (дата обращения: 25.09.2014).

© Баранов Е.Ю., 2014. Текст.

Информация об авторе

Баранов Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (620137, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

Baranov E.Yu.

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF FAMINE OF THE EARLY 1930-S IN THE USSR (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

Abstract: *The article analyzes the modern historiographical situation around the issue of the demographic consequences of famine of the early 1930s in the USSR. The study found that a single common evaluation of famine victims beginning of the 1930s still don't exists. A significant part of foreign and domestic scientists believe that the main population losses occurred in 1933. Analysis of modern scientific historical literature revealed another round of discussion on the reliability of the data Soviet statistics of the population.*

Keywords: famine, historiography, historical demography, demographic history, demographic crisis, demographic catastrophe.

Information about the author

Baranov Evgeniy Yurievich (Russia, Yekaterinburg) – Candidate of Historical Sciences, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620137, Russia; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

УДК:314.15:325.1(09)

Буйденков А.А.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. *В статье дана ретроспективная панорама миграционных процессов. Указаны особенности и причины перемещения населения в древности и новое время, отдельно проанализированы миграционные потоки в современном мире, обозначены их основные проблемы.*

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, иммиграция, мультикультурализм, ассимиляция.

Всю историю человечества можно рассматривать с точки зрения непрерывной миграции племен и народов. В одни эпохи миграция была не очень значимым, зато в другие – важнейшим фактором развития цивилизации. Исторический анализ позволяет выделить два типа миграционных процессов.

С одной стороны, миграция всегда оказывалась следствием внешней экспансии зрелых социальных систем с устойчивой структурой и сложившимся комплексом социальных связей и отношений. Масштабы этого типа миграции на протяжении столетий росли: экспансия Египта в Переднюю Азию; становление Римской империи и масштабная миграция латинян в ее периферийные районы; колонизация европейцами Америки, Австралии и отдельных районов Азии.

С другой стороны, нередко миграцию порождала и хаотическая эволюция кочевых племен и народностей, социальные структуры и политическая система которых находились в стадии зарождения. В отличие от процессов первого типа, они не сопровождалась распространением и укреплением новых социальных порядков. Переселенцы или захватчики, даже приносящие с собой некоторые традиции, теряли связь с прежней родиной и, как правило, ассимилировались коренным населением [1, с.65].

Между тем, на протяжении XIX и XX веков формы миграционных процессов претерпевали масштабную, если не сказать беспрецедентную, модификацию. Становление новых типов совпало с периодом формирования в Европе гражданского общества и национального государства. Определились границы отдельных стран, утвердились принципы гражданства и личной свободы; вслед за этим и появились сами понятия эмиграции и иммиграции.